

Научная статья

УДК 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-257-265

КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анна Игоревна Яковлева

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
yakovleva_a_i@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7482-545X*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе культурных архетипов России как государства — цивилизации и их влияния на модель социально-экономического неравенства в обществе.

Методологической основой исследования выступают цивилизационный подход, положения теории культурного архетипа, концепции азиатского способа производства, концепции российской модели государственности, концепции М. Вебера о влиянии религии на экономическую деятельность.

Результаты исследования. Специфика современного социально-экономического неравенства, сложившегося в российском обществе, обусловлена культурными архетипами, сформировавшимися в процессе длительного цивилизационного развития страны. Глубокое социально-экономическое неравенство, сложившееся сегодня в российском обществе, детерминировано следующими устойчивыми социокультурными комплексами: моделью государственности, институтом раздаточной экономики, ценностями православного вероучения.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования особенностей социально-экономического неравенства современного российского общества.

Ключевые слова: культурный архетип, социально-экономическое неравенство, российская государственность, институт власти-собственности, раздаточная экономика, экономическая ментальность, культура бедности

Для цитирования: Яковлева А. И. Культурные архетипы в воспроизводстве социально-экономического неравенства в современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 257–265. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-257-265>.

Original article

CULTURAL ARCHETYPES IN THE REPRODUCTION OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN MODERN RUSSIA

Anna I. Yakovleva

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
yakovleva_a_i@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7482-545X*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the cultural archetypes of Russia as a state — civilization and their influence on the model of socio-economic inequality in society.*

The methodological basis of the study *is the civilizational approach, the provisions of the theory of cultural archetype, the concept of the Asian mode of production, the concept of the Russian model of statehood, the theory of the institutional matrix, M. Weber's concept of the influence of religion on economic activity*

Research results. *The specificity of modern socio-economic inequality that has developed in Russian society is determined by cultural archetypes formed in the process of the country's long civilizational development. The deep socio-economic inequality that has developed in Russian society today is determined by the following stable socio-cultural complexes: the model of statehood, Institute of Distribution Economy, values of the Orthodox faith.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the characteristics of socio-economic inequality in modern Russian society.*

Keywords: *cultural archetype, socio-economic inequality, Russian statehood, institution of power-property, distribution economy, economic mentality, culture of poverty*

For citation: *Yakovleva A. I. Cultural archetypes in the reproduction of socio-economic inequality in modern Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 257–265. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-257-265>.*

Введение. Социально-экономическое неравенство является вполне естественным явлением, которое сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Это обусловлено эволюцией общества, усложнением его социальной структуры, способами распределения материальных благ, различным ресурсным потенциалом социальных групп, спецификой личных качеств человека и др. В то же время социально-экономическое неравенство, формируясь в контексте конкретного общества, обладает своей культурно-цивилизационной спецификой, которая определяет его особенности, причины и факторы воспроизводства.

Несмотря на динамику общественного развития, смену одного типа общества другим, развитие новых тенденций, культурно-цивилизационные факторы имманентно ока-

зывают влияние на модель экономических, политических, социальных отношений, которая в свою очередь определяет и специфику социально-экономического неравенства. Данное обстоятельство определяет научный интерес и инициирует социально-философское осмысление проблемы влияния культурных архетипов на воспроизводство социально-экономического неравенства в современном российском обществе.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования выступает цивилизационный подход, позволяющий исследовать динамику развития и специфику социально-экономического неравенства в российском социуме [12; 20; 22]. Методологически значимыми для исследования проблемы воспроизводства социально-

экономического неравенства в российском обществе являются положения теории культурного архетипа [23], концепции азиатского способа производства [17], концепции российской модели государственности [1; 14; 15], концепции М. Вебера о влиянии религии на экономическую деятельность [11]. Совокупность этих подходов обуславливает теоретико-методологические основания исследования глубинных факторов, определяющих культурную специфику социально-экономического неравенства в российском обществе.

Результаты. В настоящее время в связи с обострением геополитического противостояния России с коллективным Западом в политическом и научном дискурсе актуализировалась тема цивилизационной уникальности России. Данное обстоятельство обусловлено вызовами, с которыми сегодня столкнулось российское государство. Это обосновывает необходимость нового осмысления своей цивилизационной идентичности, задающей дальнейший вектор развития страны.

Социально-экономическое неравенство как иерархическая форма общественных отношений обусловлено культурно-цивилизационной спецификой России. Культурные архетипы, формирующиеся в процессе исторического развития общества, определяют его мировоззренческие установки, влияющие на модели политических и экономических отношений, доминирующих в социуме.

Исследователи отмечают, что «каждое государство имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности для отдельных цивилизаций, определяет специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития и формирует глубинные процессы эволюции» [7, с. 111].

Архетипы представляют собой коллективные бессознательные установки, укорененные в культуре народа и трудно поддающиеся изменениям [21]. Кроме того, культурные архетипы, задающие человеку вектор мировосприятия, характеризуются не только устойчивостью, но и неосознанностью своего присутствия в сознании людей. Эта неосознанность заключена в системе ценностей, смыслов, символов, характерных для

конкретной культуры, что оказывает влияние на специфику общественных отношений, складывающихся в экономической, политической и социальной жизни.

В этой связи очевидно, что специфика социально-экономического неравенства, сложившегося в современном российском обществе, обусловлена культурными архетипами, определяющими функционирование политических и экономических институтов в стране.

Культурно-цивилизационные особенности развития политических институтов обусловлены архетипом российской государственности, который определил модель отношения власти и общества, что в свою очередь повлияло на специфичность сложившегося в России социально-экономического неравенства.

В научном дискурсе сформировалась концепция российской государственности, в рамках которой выделяются такие ее черты, как авторитаризм, державность, этатизм, патернализм, сакрализация власти и т.п. Исследователи подчеркивают, что именно эти черты политической власти отражают те культурные архетипы, которые определяют цивилизационную идентичность России [15]. Следует отметить, что культурный архетип российской государственности сложился в силу объективных условий становления российской цивилизации и обусловлен в первую очередь геоклиматическими и геополитическими факторами.

Еще В. О. Ключевский указывал на роль природных факторов в формировании культурной матрицы общности. Согласно его подходу, именно естественные условия проживания являются «колыбелью народа», то есть той средой, в которой протекает формирование его ментальности, определяющей способ мышления и мировосприятия [13]. Русский историк утверждает, что суровый климат центральных и северных территорий России оказал значительное влияние на модель политического управления, для которой свойственны самодержавность и субъектность, то есть стремление власти принимать единовластные решения и единолично инициировать модернизационные процессы в обществе.

В свою очередь и современные исследователи, опираясь на данный подход, утверж-

дают, что «государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил» [18, с. 139]. Очевидно, что такая модель управления обществом не способствовала развитию инициативности человека, его личной ответственности за свою жизнь и судьбу, а напротив, развивала патерналистские установки, формирующие пассивность и социальное иждивенчество.

В такой политической системе место человека в социально-экономической иерархии общества определялось сугубо властными структурами. Управление экономической активностью личности со стороны государства не позволяла ей самостоятельно осуществлять вертикальную мобильность и повышать свой социальный статус, что, несомненно, оказывало влияние на развитие социально-экономического неравенства в обществе.

На формирование культурного архетипа российской государственности значительное влияние оказал геополитический фактор, который связан с расположением России между Западом и Востоком, что определяет амбивалентность ее культуры в силу влияния различных цивилизационных миров. На эту сложность и противоречивость русской культуры указывал еще Н. Бердяев, подчеркивая, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. <...> Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира» [3, с. 50]. Русский философ связывает цивилизационную особенность России именно с влиянием на нее геополитического фактора, в силу которого сформировался данный культурный симбиоз, который делает Россию глубоко противоречивой цивилизацией, где сталкиваются и пересекаются различные типы культур, что определяет ее вечные метания в поиске вектора развития страны.

К тому же исследователи указывают на то, что цивилизационной особенностью российского общества является его сложная стратификационная структура, в которой индивиды и группы «различались не своими правами, а обязанностями, повинностями в пользу государства» [8, с. 5]. Именно это

послужило основанием для развития в обществе института власти-собственности. Последний характеризуется ключевой ролью государства в распределении собственности между своими «подданными» на основе их приближенности к властным структурам.

Специалисты отмечают, что институт власти-собственности является достаточно условным, поскольку не гарантирует права собственности, так как «собственность может быть отобрана в любое время, если власть (любого уровня) заинтересована в перераспределении этой собственности» [4, с. 145].

Надо отметить, что культурный архетип власти-собственности определяет специфику социально-экономического неравенства в современном российском обществе. Последняя проявляется в том, что распределение государством материальных или социальных благ опирается на принцип вхождения в политическую элиту (российское чиновничество) или близости к ней. Анализируя стратификационную систему российского общества, ученые подчеркивают, что «в системе власти-собственности (на примере российского квазирынка) высшие государственные чиновники являются крупными частными собственниками, менеджеры госкорпораций назначают вознаграждение сами себе и зарплату приближенному кругу лиц, устанавливают прибыль и характер ее использования зачастую в непроизводительных целях» [5, с. 14]. Очевидно, что сложившаяся модель государственного управления способствует обогащению лишь определенных категорий граждан, имеющих тесные формальные и неформальные отношения с властными структурами, закрывая другим легальные возможности для улучшения своего материального положения. В этой связи ключевой характеристикой института власти-собственности выступает «монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже» [10, с. 63].

В такой ситуации социально-экономическое неравенство, формирующееся в обществе, характеризуется глубиной, колоссальными диспропорциями в доходах гражд-

дан, отсутствием равных возможностей для личностной и профессиональной реализации, а также оценивается большинством населения как несправедливое.

Культурным архетипом, определяющим структуру социально-экономического неравенства в России, выступает модель редиistribuтивной или раздаточной экономики. Последняя сформировалась в российском обществе в силу объективных факторов, а именно неблагоприятных природно-климатических условий, диктующих свои правила выживания обществу, а также закрепились на уровне коллективного бессознательного народа и определила его мировоззренческие установки. Развитие «раздаточной» экономики в российском социуме было обусловлено не только геоклиматическими условиями, но и моделью российской государственности, в рамках которой все природные, производственные и материальные ресурсы концентрировались исключительно в руках политической власти, которая выступала основным актором их распределения в обществе. В этой связи исследователи указывают на то, что «на всем протяжении русской истории имущество отдельных граждан образовывалось в результате “пожалования”, “дарствования”, “государского данья”, “раздач”» [6, с. 6]. Тем самым в российском обществе сформировалась прямая зависимость экономической деятельности от политической власти. Такого рода отношения между политической и экономической сферами закрепились на уровне общественного сознания и определили специфику стратификационной системы российского общества.

Архетип раздаточной экономики предполагает передачу материальных благ, ресурсов или услуг из государственной собственности во владение различным субъектам хозяйственной жизни, исходя из их отношений с институтами политической власти. В процессе цивилизационного развития России сложилась экономическая модель, которая опиралась не на рыночные отношения, а на принцип раздачи «каждому по чину». В силу этого обладателю более высокого чина доставалось ресурсов больше, чем другим, что определяло их место в социально-экономической иерархии общества.

Раздаточная система экономики связана с общественно-служебным характером собственности, суть которого заключается в передаче собственности или ее долей «хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами» [6, с. 31]. Таким образом, основой раздаточной экономики выступает служебный труд, являющийся обязательным и направленным на выполнение определенных функций, установленных государством, поэтому такой порядок трудовых отношений определяет и закрепляет в обществе получение доходов «по чину», то есть в зависимости от места человека в системе политической иерархии.

Анализируя цивилизационную специфику экономических институтов российского общества, исследователи отмечают, что их формирование обусловлено как природными, так и политическими условиями выживания российского государства. В этом культурно-цивилизационном контексте формировалась такая модель российской государственности, которая контролировала всю хозяйственную деятельность в стране, подавляя любую экономическую инициативу, или брала ее под свое управление. Такого рода отношения между политической властью и экономической деятельностью выстраивались преимущественно на основе неформальной коммуникации.

Наряду с архетипами государственной власти и раздаточной экономики на специфику социально-экономического неравенства в российском обществе оказали ценности православия.

Еще М. Вебер обосновал влияние религиозных систем на экономическую деятельность людей [11]. По мнению ученого, религиозные ценности определяют этические основания хозяйственной деятельности, которые либо ориентируют человека на получения материальной выгоды, либо, напротив, формируют пассивную, выжидательную позицию. Анализируя влияние протестантской этики на экономическое развитие западных стран, немецкий мыслитель пришел к выводу о том, что именно ее нормы и принципы заложили духовные основы для развития классического (промышленного) капитализма. Такие ценности трудовой этики протес-

танtrizма, как трудолюбие, установка на получение прибыли, аскетизм, скромность, усердие и профессионализм, стали основой развития предпринимательства на Западе. Вне сомнений, мировые религиозные системы оказали значительное влияние на формирование культурных архетипов, которые определили специфику экономической культуры народов. Ученые подчеркивают, что именно в «...системе религиозной нормативности откладываются главнейшие особенности культуры...» [24, с. 47].

Православие, в отличие от католицизма и протестантизма, несет свои ценностные установки и мотивации хозяйственной деятельности. Аксиологические различия присутствуют в понимании труда, его целей и смыслов: если в католицизме, и тем более в протестантизме, сложилась рациональная мотивация хозяйственной деятельности, то в православии делается акцент на ее духовное содержание. На это обращали внимание русские философы (В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков), подчеркивающие доминирование духовной мотивации хозяйственно-экономической деятельности над сугубо материальным интересом [9; 19]. В этой связи В.С. Соловьёв пишет о том, что «труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своём назначении должен преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности» [19, с. 429]. Такое понимание назначения труда обусловлено православной этикой, основными ценностями которой являются бескорыстие, альтруизм, взаимопомощь, негативное отношение к богатству, наживе, осуждение жадности.

Православная этика определила развитие особого типа культуры — культуры бедности, что было обусловлено фаталистическими установками вероучения, которые не ориентировали человека на экономическую активность, на материальные достижения и успехи. Напротив, православие проповедует установку: все осуществляется «по воле Божьей», что исключает для человека возможность уп-

равлять своей жизнью и призывает смириться с социальной реальностью.

Специалисты указывают на то, что духовные ценности, заключенные в религиозных системах, формируют экономическую ментальность народа. Специфика последней заключается в том, что «материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Русской культуре было свойственно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина» [2, с. 70]. Такие мировоззренческие установки способствовали развитию в российском обществе культуры бедности, которая на практике демонстрировала воплощение ценности смирения, принятия своего положения, упования на милость Бога, на милостыню и благотворительность.

По мнению исследователей, такого рода культурные установки обусловлены фаталистическим характером православного вероучения, которое не мотивирует человека на трудовую активность и достижение более высокого уровня жизни, поэтому «ценности, связанные с возможностью не работать, имеют в России значительно более высокие ранги, чем в западных странах» [16, с. 150].

Очевидно, что специфика культурно-цивилизационного развития общества влияет на формирование глубинных коллективных психологических установок, которые определяют политические традиции и экономическую ментальность народа. Осознание этого приводит к тому, что в настоящее время в политическом и научном дискурсе возрождается интерес к идее «государства-цивилизации», которая поможет российскому обществу понять специфику своих культурных архетипов, определиться со своей культурной идентичностью и выбрать вектор дальнейшего развития страны.

Заключение. Таким образом, специфика современного социально-экономического неравенства обусловлена культурными архетипами, сформировавшимися в процессе длительного цивилизационного развития России.

Глубокое социально-экономическое неравенство, сложившееся сегодня в российском

обществе, детерминировано следующими устойчивыми социокультурными комплексами:

а) моделью государственности, в рамках которой формируется институт власти-собственности, который определяет доходы и место человека в социально-экономической структуре;

б) институтом раздаточной экономики, определяющим все социально-экономические отношения, в которых главным собственником и экономическим субъектом выступает государство;

в) православным вероучением, сформировавшим определенную систему ценностей, не мотивирующую человека на субъектность, экономическую активность и материальные блага.

Очевидно, что культурные архетипы формируют цивилизационную матрицу государства, которая определяет специфику функционирования и воспроизводства политических и социально-экономических институтов в современном российском обществе.

Список источников

1. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. №3. С. 51–76.
2. Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // *Мир России*. 2001. №3. С. 67–77.
3. Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М.: АСТ, 1998. 732 с.
4. Бережной И. В. *Онтология института власти-собственности в России* // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*. 2011. №40-2. С. 142–149.
5. Бессонова О. Э. *Контрактный раздаток и солидаризм — новая веха российской матрицы* // *Мир России*. 2019. №1. С. 7–31.
6. Бессонова О. Э. *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
7. Бессонова О. Э. *Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России* // *Мир России*. 2008. №2. С. 108–138.
8. Бондар А., Динес В. *Российские политические традиции и российская государственность* // *Власть*. 2008. №4. С. 3–8.
9. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. 412 с.
10. Васильев Л. С. *Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур* // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
11. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма* // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
12. Данилевский Н. *Россия и Европа*. М.: Книга, 1991. 573 с.
13. Ключевский В. О. *Сочинения: в 9-ти т. Т. 1*. М.: Мысль, 1987. 430 с.
14. Лубский А. В. *Государственность как матрица российской цивилизации* // *Гуманитарный ежегодник 4*. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. С. 51–65.
15. Лубский А. В., Лубский Р. А. *Этапизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России* // *Гуманитарий Юга России*. 2013. №3. С. 90–103.
16. Магун В. *Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе* // *Социологические чтения*. Вып. 2. М.: ИС РАН, 1997. С. 134–176.
17. Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов)* // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1*. М.: Политиздат, 1968. 560 с.
18. Смирнова Ж. Г. *Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских* // *Вестник славянских культур*. 2008. №3-4(10). С. 137–141.
19. Соловьёв В. С. *Оправдание добра* // *Сочинения в 2-х т. Т. 1*. М.: Мысль, 1988. 822 с.
20. Тойнби А. Дж. *Постижение истории* / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 730 с.
21. Четвертакова Ж. В. *Ценностные ориентации, укорененные в культурных архетипах* // *Аналитика культурологии*. 2007. №7. С. 184–188.
22. Шпенглер О. *Закат Европы. В 2-х т. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы*. М.: Айрис-Пресс, 2003. 611 с.
23. Юнг К. Г. *Психология бессознательного*. М.: Наука, 1994. 317 с.
24. Яковенко И. *Православие и исторические судьбы России* // *Общественные науки и современность*. 1994. №2. С. 47–56.

References

1. Ahiezer A. Specifika rossijskoj politicheskoj kul'tury i predmeta politologii (Istoriko-kul'turnoe issledovanie) [Specificity of Russian political culture and the subject of political science (Historical and cultural research)]. *Pro et Contra*. 2002; 7(3): 51–76. (In Russ.).
2. Balabanova E. S. Osobennosti rossijskoj jekonomicheskoy mental'nosti [Features of the Russian economic mentality]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2001; (3): 67–77. (In Russ.).
3. Berdjaev N. A. Filosofija svobody [Philosophy of Freedom]. Moscow: AST, 1998. 732 p. (In Russ.).
4. Berezhnoj I. V. Ontologija instituta vlasti-sobstvennosti v Rossii [Ontology of the institute of power-property in Russia]. *Nauchnye trudy DonNTU. Serija: jekonomicheskaja [Scientific works of DonNTU. Series: economic]*. 2011; (40-2): 142–149. (In Russ.).
5. Bessonova O. Je. Kontraktnyj razdatok i solidarizm — novaja vеха rossijskoj matricy [Contract distribution and solidarism — a new milestone of the Russian matrix]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2019; (1): 7–31. (In Russ.).
6. Bessonova O. Je. Razdatochnaja jekonomika Rossii: Jevoljucija cherez transformacii [Distribution economy of Russia: Evolution through transformation]. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 144 p. (In Russ.).
7. Bessonova O. Je. Traektorija i sovremennyj vektor razvitiya civilizacionnoj matricy Rossii [Trajectory and modern vector of development of the civilizational matrix of Russia]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2008; (2): 108–138. (In Russ.).
8. Bondar A., Dines V. Rossijskie politicheskie tradicii i rossijskaja gosudarstvennost' [Russian political traditions and Russian statehood]. *Vlast' [Power]*. 2008; (4): 3–8. (In Russ.).
9. Bulgakov S. N. Filosofija hozjajstva [Philosophy of economy]. Moscow: Nauka, 1990. 412 p. (In Russ.).
10. Vasil'ev L. S. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [The phenomenon of power-property. On the problem of typology of pre-capitalist structures]. *Tipy obshhestvennyh otnoshenij na Vostoke v srednie veka [Types of social relations in the East in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 60–99. (In Russ.).
11. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedenija [Selected works]*. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
12. Danilevskij N. Rossija i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1991. 573 p. (In Russ.).
13. Kljuchevskij V. O. Sochinenija: v 9-ti t. [Essays: in 9 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1987. 430 p. (In Russ.).
14. Lubsckij A. V. Gosudarstvennost' kak matrica rossijskoj civilizacii [Statehood as a matrix of Russian civilization]. *Gumanitarnyj ezhegodnik 4 [Humanitarian Yearbook 4]*. Rostov-on-Don: Izd-vo RGU, 2005. Pp. 51–65. (In Russ.).
15. Lubsckij A. V., Lubsckij R. A. Jetatizm i paternalizm kak kul'turnye markery civilizacionnoj identichnosti v Rossii [Statism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2013; (3): 90–103. (In Russ.).
16. Magun V. Rossijskie trudovye cennosti v sravnitel'noj perspektive [Russian labor values in a comparative perspective]. *Sociologicheskie chtenija [Sociological readings]*. Issue 2. Moscow: IS RAN, 1997. Pp. 134–176. (In Russ.).
17. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. Kritika politicheskoj jekonomii (chernovoj nabrosok 1857–1858 godov) [Economic manuscripts of 1857–1859. Criticism of political economy (a rough sketch of 1857–1858)]. Marks K., Jengel's F. Sochinenija [Essays]. Izd. 2-e. Vol. 46. Part I. Moscow: Politizdat, 1968. 560 p. (In Russ.).
18. Smirnova Zh. G. Vlijanie geograficheskogo polozhenija i klimaticeskikh osobennostej na nacional'nyj harakter russkikh [The influence of geographical location and climatic features on the national character of Russians]. *Vestnik slavjanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*. 2008; 3-4(10): 137–141. (In Russ.).
19. Solov'jov V. S. Opravdanie dobra [Justification of good]. *Sochinenija v 2-h t. [Essays in 2 vols.]*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1988. 822 p. (In Russ.).
20. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. Per. s angl. Moscow: Progress, 1990. 730 p. (In Russ.).

21. Chetvertakova Zh. V. Cennostnye orientatsii, ukorenennye v kul'turnyh arhetipah [Value orientations rooted in cultural archetypes]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies]. 2007; (7): 184–188. (In Russ.).

22. Shpengler O. Zakat Evropy. V 2-h t. [The Decline of Europe. In 2 vols.]. Vol. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. Moscow: Ajris-Press, 2003. 611 p. (In Russ.).

23. Jung K. G. Psihologija bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. Moscow: Nauka, 1994. 317 p. (In Russ.).

24. Jakovenko I. Pravoslavie i istoricheskie sud'by Rossii [Orthodoxy and the historical destinies of Russia]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1994; (2): 47–56. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 10.09.2023; approved after reviewing on 28.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яковлева Анна Игоревна — соискатель Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Anna I. Yakovleva — Candidate of the Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novochoerkassk, Russia
